

Записки о Московской войне (1578—1582) **(отрывок)**

Стефан Баторий после своего избрания в короли, думая, что по заключении мира извне и по установлении дружественных отношений со своими соседями легче будет прекратить и внутри раздоры, возникшие вследствие избирательной борьбы, и тем доставить государству полное спокойствие, написал к большей части соседних князей грамоты, в которых по обычаю, принятому между государями, объявлял о том, что королевство вручено ему, и, заявляя о своих добрых чувствах к ним, выражал желание хранить со всеми мир. Между прочим он послал также и к великому князю Московскому Ивану Васильевичу поляка Георгия Груденского и литовца Льва Буховецкого с грамотою о том, что призванный на королевство божественным провидением и желанием сейма, он решился вести дела так, чтобы быть в мире и дружбе со всеми христианскими государями, и что к нему, как к соседнему и христианскому государю, он питает такие же добрые чувства. Если же между ним, великим князем, с одной стороны, королевством Польским и великим княжеством Литовским с другой и существуют какие несогласия, наследованные от предшественников обоих их, то их можно уладить дружелюбными переговорами согласно с справедливостью. На это царь Московский отвечал, что хотя он и слышал об избрании в короли Максимилиана, тем не менее, однако не отказывается быть в дружбе и доброй приязни и с ним самим. Ему желательно, чтобы по обычаю предков были посланы великие послы, а в ожидании послов с обеих сторон пусть будут прекращены незаконные и враждебные действия. Получив такой ответ, король всецело предавшись заботе о внутреннем успокоении и в особенности о прекращении бунта жителей Гданьска, созвал сейм в Торне и на нем же порешил с одобрения рады послать в Москву послов для переговоров о мире. Послами были избраны Станислав Крыский, воевода Мазовецкий, — Николай Сапега, воевода Минский, — Федор Скумин, литовский надворный подскарбий. Так как королю после этого приходилось приводить к покорности город Гданьск оружием, то Московский царь, полагая, что теперь для него настало самое удобное время занять Ливонию, к насилию и военным действиям прибавил еще и лукавство. В то время Ливония находилась

под управлением Ивана Ходкевича с титулом администратора; в крепостях было мало поляков, большая часть начальников была с литовской стороны. Туземцы подвергаясь от них дурному обращению и вместе с тем, видя, что они не располагают достаточными средствами против московского могущества, расположены были в пользу какой бы то ни было перемены. Хорошо зная об этом, Московский князь послал в Ливонию Магнуса, Голштинского герцога, которого он держал при себе, связав обещаниями и родственными узами. Царь распространил слух, что если Ливонцы предадутся принцу, то он передаст последнему для управления Ливонию на местном праве, по примеру Пруссии, с тем, чтобы все управление и власть сосредотачивались в руках Магнуса, а за ним оставалось бы верховное господство и соответствующий тому титул. Жители края, побуждаемые, с одной стороны, нерасположением и ненавистью к чужеземной власти, с другой — надеждою и горячим деланием иметь начальников того же языка и происхождения, вместе с тем, под влиянием некоторых беспокойных и мятежных людей, прогнали почти из всех городов польские гарнизоны, и сами собрались в Венден, где в то время находился Магнус, возложили на него здесь титул и знаки королевской власти и присягнули на его имя. Между тем, Московский князь, собрав огромное войско, проник в Ливонию без всякого препятствия, так как изгнаны были все гарнизоны и большая часть крепостей были заняты Магнусом. Приняв под власть сдавшиеся Мариенгаузен, Режицу, Люцин, Динабург, Кокенгаузен до самого Ашерадена, и не делая им никакого вреда для того, чтобы слух о его милосердии распространился при самом начале управления, Иоанн отправился дальше. В Ашерадене собралось огромное множество людей обоего пола и всякого сословия, в особенности же много женщин и девиц; там же находился ландмаршал, человек почтенный и по летам и по тем высшим должностям, которые некогда он занимал. Московский князь, перебив всех без разбора, способных носить оружие, не воинственный пол, женщин и девиц, отдал Татарам на поругание; затем прямо отправился в Венден. Находившиеся там жители, перепуганные слухом о таком жестоком поступке Московского князя, заперли ворота. Магнус, вышедший за них просителем с униженным видом и умолявший на коленях о помиловании, ползая у его ног, был обруган князем, который даже ударил его в лицо. Убедившись, что влияние Магнуса нисколько не может послужить к их спасению, так как даже ему самому угрожает

опасность, и видя себя со всех сторон окруженным и обманутым вероломным неприятелем, жители под влиянием гнева, страха и отчаяния подложили под здания порох, и от этого взрыва погибло огромное множество людей обоого пола, всякого возраста и сословия, и почти весь цвет знати ливонской, сколько ее еще оставалось до сих пор. Овладев таким образом Венденом и в то же время сдавшимся Роннебургом, соседним с Венденом, Московский царь уже имел под своею властью всю Ливонию, за исключением Ревеля, Риги и немногих пограничных с ними крепостей. После отъезда Генриха, во время бескоролья, он захватил Пернов, от шведов взял славную, искусственно и естественно очень укрепленную крепость Вейссенштейн, Нарву же и Дерпт, Феллин и Мариенбург и некоторые другие уже гораздо раньше он отнял отчасти у епископа Рижского, часть у Ливонского ордена св. Марии. Положив такое начало, Московский князь делал затем постоянные вторжения в Ливонию, нанося ее жителям множество вреда, и тем заставил их отдаться под власть и покровительство Сигизмунда Августа и польских королей. И вот это обстоятельство, вместе с прежними спорами и притязаниями по отношению к великим князьям Литовским из-за некоторых русских местностей, служило затем постоянным предлогом враждебных действий между ним и Польскими королями.